

25 МАЯ 1950

ОБ АНТОНЕ РУБИНШТЕЙНЕ

Н. ФИНДЕЙЗЕН

Я искренне благодарен судьбе за счастье видеть вблизи и слышать в дни юности моей Антона Григорьевича. Точно помню все концерты, в которых в то время выступал Антон Григорьевич.

Исключительную гениальность натуры Антона Григорьевича я почувствовал с первого момента, когда я его увидел на эстраде за дирижерским пультом. Но постиг я божественную художественность его интерпретации только постепенно.

Репину вовсе не удалось передать на полотно Рубинштейна-дирижера, а Крамскому — Рубинштейна-пианиста-творца. Впрочем, и за дирижерским пультом Рубинштейн творил, и в IX симфонии уносил в надзвездные края и славил там свободу и братство народов. Когда вспоминаю теперь — более чем 30 лет спустя — дирижирование Антона Григорьевича в мои юные годы, а в его пору усталости и разочарования, мне кажутся только смешными заявления его хулителей: «Рубинштейн был плохим дирижером».

Рубинштейн не был капельмейстером-ремесленником. Когда он появлялся на эстраде, вы чувствовали присутствие подлинного художника, а когда он дирижировал IX и «Эройкой», увертюрами к «Эгмонту» и 3-й Леонорой Бетховена, он творил искусство, он действительно заставлял переживать величайшего из симфонистов.

Его сутулая, несколько сгорбленная фигура откидывалась назад, он забывал о партитуре и об оркестре как механическом инструментальном аппарате: опираясь левой рукой о балюстраду своего возвышения или пюпитр, он вдохновенно управлял дирижерской палочкой, точно скипетром, внимавшей ему массой исполнителей. Его можно было слушать, только затаив дыхание, ибо в эти минуты вы слушали не тот или иной инструментальный ансамбль или соло, отчетливо, изящно или тускло исполненные, перед вами вырастал, вернее, отчетливо и вдохновенно выплывал божественный голос бетховенского творчества.

Если удивительно нежно и глубоко он пел бетховенские адажио и вообще медленные темпы, то оба заключения названных увертюр, похоронный марш «Эройки», все бодрые и героические страницы IX симфонии, особенно все выступления ее и революционный марш освобожденного человечества, он передавал, как мощный, переживший и осиливший все земные страдания герой-титан. Смешно и грешно было бы в эти несравненные минуты истинно художественных переживаний думать или подмечать какие-либо киксы валторны или промах второго оркестранта. Я по крайней мере забывал в эти минуты все окружающее, ибо только слушал и слышал голос Бетховена.

Но не только Бетховеном я наслаждался в подобной, истинно художественной интерпретации Антона Григорьевича. Впервые при мне он прозел и музыку к «Князю Холмскому» Глинки, а вскоре открыл и многие превосходные художественные достижения его собственной оратории «Вавилонское столпотворение».

Я слушал Антона Григорьевича не только во время концертов, иногда мне удавалось пробираться под видом ученика Консерватории и на репетиции в Дворянском собрании. Наиболее памятна мне вечерняя репетиция IX симфонии, после которой я пытался стащить с пюпитра дирижерскую палочку Антона Григорьевича и был уловлен в момент воровства популярным в Консерватории сторожем Василием Шевелевым и отведен к инспектору, который отпустил меня с мидом, удивившись, как я, совершенно чужой, пробрался в зал.

Я не помню, почему не запасся предварительно билетом на 1-й юбилейный концерт Антона Григорьевича, состоявшийся днем в воскресенье 19 ноября 1889 года. Может быть, так же, как и перед бенефисом Направника (в ноябре 1888 года), у меня не было денег и накануне пришлось совершить операцию в ломбарде.

Помню только, что в этот день, воскресенье, я с трепетом входил в аванзал Дворянского собрания, где тогда продавали билеты «при входе на концерт», и я чрезвы-

чайно обрадовался, когда продававший билеты предложил мне 5-рублевое место в третьем ряду на красных диванах. Но еще больше я удивился и поразился, когда мое место в зале оказалось перед (вернее под) самой «рубинштейновской» ложей между первой и второй колоннами возле эстрады, где обыкновенно сидел на обычных концертах А. Г. Рубинштейн, опираясь спиной на вторую колонну.

Вот в этой позе и надо было сохранять его портрет или фигуру — слушающим музыке. Это была характерная поза Рубинштейна, а не та, которую вылепил в своей неудачной статуэтке И. Я. Гинцбург. Трудно передать чувство, пережитое мною в тот момент, когда среди поднявшегося шума приветствий, аплодисментов и криков, к своему обычному стулу подошел великий артист — юбиляр. Как и все в зале, я встал, повернулся к нему лицом.

В эти оба юбилейные дня он все время пребывал в угрюмом настроении, хотя порой добродушная улыбка озаряла его хмурое бетховенское чело. Он насмешливо указал на гигантский бюст свой, возвышавшийся над эстрадой среди тропической зелени, и пробормотал: «Напрасно соорудили это чучело, лучше бы убрали его...» Но постепенно приветствия смолкли, и Чайковский мог сыграть g-moll'ную симфонию юбиляра, а во втором отделении он и сам сыграл свой новый концерт-штюк.

Я впервые слушал и симфонию Антона Григорьевича, и его игру. Несмотря на все юбилейное настроение, несмотря на все необычайные технические трудности его нового фортепьянного концерта, последний мне мало понравился, кроме одной очень изящной темы, давно проигранной художником.

Но лучшие минуты первого юбилейного концерта наступили уже по окончании официальной программы. Публика хлынула к эстраде, мне удалось встать совсем вблизи рояля. И вот Антон Григорьевич, в ответ на несмолкающий, действительно внушительный и радостный гул, сел за рояль. «Что же вам сыграть?» — спросил он. Вероятно, где-нибудь в старых памятках и дневнике у меня были подробно описаны эти славные минуты, когда я впервые очаровался дивной игрой Антона Григорьевича и впервые слышал, как он сам играл свои произведения. Сейчас мне вспоминаются лишь 2—3 пьесы, известная Melodie, одна из баркарол и, кажется, браурный концертный вальс. Играл он довольно долго и все более увлекал любившую его публику.

Антон Григорьевич играл только нравящиеся окружающим его пьески, наиболее популярные мелочи. Любопытно, что никто не догадался хотя в знак художественного уважения просить его сыграть в день своего полувекowego юбилея одно из крупных произведений Антона Григорьевича, хотя бы сонату или из сборника Miscellanes.

Я перечислил уже все произведения, которые мне удалось слышать в исполнении Антона Григорьевича; кроме них, вспоминаются еще две пьесы, сыгранные им на бис во время общедоступных концертов: это марш из «Афинских развалин» Бетховена с удивительным, чисто рубинштейновским длительным *decrescendo* во 2-й половине — это было нечто волшебное по исполнению. Вторая пьеса — аккомпанемент к собственной песне «Желание» («Отворите мне темницу»). Не помню точно, какая певица и в каком концерте выступала тогда, — во всяком случае, очень известная. По окончании своего номера после шумных аплодисментов она подошла к Антону Григорьевичу, сидевшему в клубе в одной из барьерных лож у левого прохода, и упростила его проаккомпанировать ей его романс. Поворчав немного, он поднялся и сел за рояль. Все он гениально зарисовал в своем аккомпанементе — и быстрокрылого коня, и деву, и фонтан неумолкавший. С тех пор этот чудесный романс мне навсегда запомнился и полюбился.

Многие записывали и даже издали свои заметки о деталях исполнения Рубинштейна. Но никто не мог передать, да вряд ли кто и был в состоянии передать словами всю глубину, всю поэтичность, всю львиную силу, все несравненное мастерство игры А. Г. Рубинштейна. Все тонкости, переживания, художественность исполнения, вся глубина и божественная высота иных моментов его чувствовались, но не сознавались ясно и отчетливо. «Слушаешь и таешь», — в иные моменты сказала бы Снегурочка. Слушаешь и уносишься в какой-то надзвездный мир.

Воспоминания историка музыки и редактора-издателя «Русской музыкальной газеты» Н. Ф. Финдейзена публикуются в сокращенном виде. Подлинник рукописи хранится в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.